

Канси, удрученный тяжелыми думами, с опущенной головой и тяжелыми вздохами сошел с высокого помоста, символизирующего верховную власть, и растянулся на кушетке в боковом покое.

Ли Чанъгэ последовал за ним, непринужденно уселся на свободную кушетку и, набрав горсть отборных семечек с чайного столика, принялся неспешно их щелкать.

Спустя некоторое время, видя, что Канси по-прежнему пребывает в мрачном расположении духа, Ли Чанъгэ причмокнул, пригубил чай Лунцзин урожая до наступления сезона дождей и не удержался от похвалы: вкус у чая был дивный — тонкий аромат, легкая горчинка на языке, переходящая в сладковатое послевкусие, оставляющее долгое приятное впечатление.

— Сяо Сюаньцзы, ты небось из-за Обоя так маешься? — со знанием дела спросил Ли Чанъгэ.

Канси помрачнел, нахмутив брови:

— Эх, Обой держит в руках огромную власть, он доверенный сановник, назначенный покойным императором. Кого захочет убить — обязательно убьет. Даже меня он зачастую ни во что не ставит...

Ли Чанъгэ промолчал, исполняя роль жилетки: он слушал жалобы Сяо Сюаньцзы, время от времени вставляя слова поддержки.

Прошло немало времени. У Канси пересохло в горле, он поднялся, чтобы сделать глоток чая, и, все так же сохраняя суровое выражение лица, метнул взгляд, в котором промелькнуло едва уловимое намерение убить.

Ли Чанъгэ хлопнул в ладоши и поманил Канси к себе, жестом приглашая подойти ближе:

— У меня тут возникла одна шальная мысль.

Канси с любопытством склонился к нему.

Обой обладал недюжинной силой, глубокими познаниями в боевых искусствах, богатым опытом сражений, а его высокий пост и влияние в правительстве делали его почти непобедимым.

— Этот мерзавец Обой слишком высокого о себе мнения. Он кичится своей силой и презирает культуру ханьцев — это как раз его слабое место. Мы можем собрать группу людей и под предлогом дружеской борьбы вызвать его на поединок. На самом деле... если мы вдвоем подстрахуем, то сможем одним махом схватить Обоя.

Ли Чанъгэ изложил свою идею, оставляя детали на усмотрение Канси. Он лишь набросал общий план, надеясь, что острый ум императора поможет устранить все пробелы.

Канси призадумался. В руках у Обоя была военная мощь восьми знамен. Если издать указ о его казни, он неминуемо поднимет бунт, и тогда они сами же от него и погибнут.

План Сяо Гуйцзы был слишком прост, но в нем было рациональное зерно. Если его немного доработать, эффект может быть поразительным.

— Драка императора с сановником — это не дело. Однако...

Канси сначала отверг предложение, но в его глазах блеснула искра, и тон изменился:

— Однако мы можем усыпить бдительность Обоя. Завтра на утреннем докладе я добровольно прикажу бросить семью Сукэсаха в тюрьму. Пусть он порадуетя, думая, что я поверил его словам — на самом деле я лишь хочу спасти их. А потом под предлогом забавы мы начнем тренировать группу ловких евнухов...

— Небо хочет, чтобы человек погиб — оно сначала лишает его разума. Пусть пока тешится своим величием.

— Гениально! Просто блестяще!

Ли Чанъгэ принялся нахваливать Канси, восхищаясь тем, как быстро тот нашел выход из положения. Неудивительно, что он войдет в историю как великий правитель.

— Мы можем добавить в чай слабительное или яд, а заодно подготовить побольше евнухов на всякий случай.

Ли Чанъгэ, вспомнив, как в оригинальной истории все едва не пошло прахом, решил подстраховаться: Обой был слишком силен и опытен в боях, так что победить его можно было только числом.

Канси выслушал его, не сказав ни да, ни нет.

Проведя с ним много времени, Ли Чанъгэ понял, что император принял совет к сведению, и перевел разговор на более легкие темы, рассказав несколько шуток. Канси рассмеялся, и гнетущая атмосфера наконец рассеялась.

...

Время шло, и все развивалось строго по плану.

Сукэсаха все же был убит Обоем, но, по крайней мере, удалось спасти его семью. После ареста Сукэсаха Канси тайно переправил его родных в безопасное место.

Все это время Ли Чаньгэ не только упражнялся в боевых искусствах с Канси, но и постоянно находился рядом: они вместе учились и проводили досуг. Дни напролет он был при императоре.

Параллельно он втайне тренировал отряд из пятидесяти искусных бойцов из числа дворцовых евнухов.

В императорском дворце любые слухи разлетались мгновенно. Евнухи, стражники и служанки вскоре узнали, что некий Сяо Гуйцзы невероятно дорог сердцу императора и является первым любимцем при дворе.

При встрече с ним каждый старался угодить, заискивал, а обращение и вовсе сменилось на уважительное — евнух Гуй.

За эти полгода Ли Чаньгэ вымотался до предела: с одной стороны, нужно было следить за тренировками евнухов, с другой — вместе с Канси заниматься учебой, каллиграфией и боевыми искусствами.

Учеба была его личным желанием: в прошлой жизни он не имел возможности учиться, а в этой не хотел оставаться безграмотным.

К тому же ему приходилось задабривать Хай Дафу, чтобы сохранить себе жизнь. Однако с тех пор, как Хай Дафу понял, что Ли Чаньгэ в курсе истинной личности императора, он перестал требовать кражи Сутры сорока двух глав, а вместо этого начал проявлять живой интерес к новым приемам, которые Ли Чаньгэ разучивал с Канси.

Каждый раз, возвращаясь, он заставлял Ли Чаньгэ демонстрировать новые приемы императора, а затем учил его, как их парировать.

Ли Чаньгэ не знал, что на уме у Хай Дафу, но, понимая, что в честном бою ему не справиться, решил играть на опережение. Если бы Хай Дафу попытался его убить, он не стал бы сидеть сложа руки: он нанес бы ответный удар, а затем скрылся в пространстве нефритового кулона, выжидая момент, чтобы сбежать из дворца.

Канси и Ли Чаньгэ изучали лишь технику, не владея внутренней энергией, поэтому в их ежедневных спаррингах победа уже не имела такого значения.

Незаметно пролетело время от начала лета до ранней осени, когда ночи стали прохладными.

В один из ясных, безоблачных дней, после особенно жаркого поединка, Канси, немного переведя дух, с серьезным видом прошептал:

— Сяо Гуйцзы, все готово. Завтра мы совершим великое дело. Не забудь прийти в кабинет пораньше.

Ли Чаньгэ похлопал Канси по плечу, подбадривая:

— Не волнуйся, завтра мы обязательно добьемся успеха.

— Кстати, ты приготовил снадобье? — на всякий случай уточнил Ли Чаньгэ.

Канси на мгновение задумался, на его лице отразилось сомнение: использование яда было делом низким, недостойным императорского достоинства.

Заметив колебания друга, Ли Чаньгэ не придавал им значения. Любое средство, ведущее к победе — хорошее средство, ведь в случае поражения не останется ничего.

— Отдай пузырек мне, я сам подсыплю его в чашку, — решительно сказал он. — Не бойся, об этом будем знать только мы двое, тайна не выйдет за пределы этой комнаты.

Канси был глубоко тронут. Приняв окончательное решение, он подошел к кушетке, открыл тайник в основании и достал белый фарфоровый флакон с синей росписью.

— Это тайное снадобье, порошок мягкости. В воде он бесцветен и безвкусен, действует через полпалочки благовоний. Одной ложки хватит, чтобы человек на шесть часов лишился возможности двигаться, а его конечности стали ватными.

Ли Чаньгэ ликовал: если Обой выпьет чаю с этим порошком, он станет легкой добычей.

Конечно, некоторые события отличались от тех, что он помнил — появились отклонения, вроде того, что семья Сукэсаха не была уничтожена, или способ расправы с Обоем... Но Ли Чаньгэ это не удивляло: в мире не бывает двух абсолютно одинаковых листьев, как не бывает и идентичных событий. Главное, чтобы основной сюжет оставался неизменным.

Ли Чаньгэ взял из рук Канси флакон и спрятал его поближе к телу.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Ли Чаньгэ уже был в кабинете. Войдя, он увидел Канси, который стоял перед ним, глядя на табличку над тронем с надписью: Правильный пример для десяти тысяч государств.

Похоже, Канси провел ночь без сна, ожидая этого дня.

— Сяо Сюаньцзы, — позвал Ли Чаньгэ.

— Сяо Гуйцзы, ты пришел.

Канси обернулся к нему, голос его звучал сурово:

— Я император, я не могу действовать открыто. Обой — глава внутренней стражи, большинство дворцовых охранников — его люди. Поэтому, кроме наших пятидесяти евнухов, никто не придет на помощь. Все зависит от тебя. Это смертельно опасно. Малейшая ошибка — и мы погибнем, а вместе с нами пострадают вдовствующая императрица и великая вдовствующая императрица.

— Не переживай, мы не зря тренировались все это время, — ответил Ли Чаньгэ. Внутри него тоже все дрожало от напряжения, но он знал: страх не поможет. Либо они убьют Обоя, либо Обой убьет их.

Затем Ли Чаньгэ достал порошок мягкости, отмерил две ложки, высыпал их в заранее приготовленную чашку и слегка взболтал, замирая в ожидании прихода Обоя.

<http://bllate.org/book/19451/1907798>